

Цифровое детство. Междисциплинарная дискуссия

В. Т. Кудрявцев^{1,2}, С. Н. Майорова-Щеглова^{✉3}, Т. А. Милехина⁴,
М. И. Рожков⁵, Т. Д. Попкова⁶

¹Московский городской педагогический университет,

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

²Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

³Российское общество социологов, 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

⁴Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, Астраханская ул., д. 83

⁵Всероссийский центр развития художественного творчества и гуманитарных технологий,
115114, Россия, г. Москва, Дербеневская наб., д. 16

⁶Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Сведения об авторах

Владимир Товиевич Кудрявцев,
SPIN-код: 6113-9684,
ORCID: 0000-0002-9283-6272,
e-mail: vtkud@mail.ru

Светлана Николаевна Майорова-
Щеглова, SPIN-код: 8853-6817,
Scopus AuthorID: 57190566458,
ORCID: 0000-0003-4935-9148,
e-mail: sheglova-s@yandex.ru

Татьяна Алексеевна Милехина,
SPIN-код: 3098-8648,
ORCID: 0000-0002-5931-9708,
e-mail: tmilehina@yandex.ru

Михаил Иосифович Рожков,
SPIN-код: 3189-6802,
ORCID: 0000-0003-0094-3976,
e-mail: mir-46@mail.ru

Татьяна Дмитриевна Попкова,
SPIN-код: 4572-6626, ResearcherID:
M-2736-2017, ORCID: 0000-0003-
0267-217X, e-mail: tatyana3@mail.ru

Для цитирования:

Кудрявцев, В. Т., Майорова-
Щеглова, С. Н., Милехина, Т. А.,
Рожков, М. И., Попкова, Т. Д.
(2024) Цифровое детство.
Междисциплинарная дискуссия.
Комплексные исследования
детства, т. 6, № 2, с. 73–84.
[https://doi.org/10.33910/2687-0223-
2024-6-2-73-84](https://doi.org/10.33910/2687-0223-2024-6-2-73-84) EDN MHZAYZ

Получена 8 апреля 2024; принята
15 мая 2024.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Аннотация. В статье представлен обзор междисциплинарной дискуссии, организованной Исследовательским комитетом Российского общества социологов «Социология детства» с участием представителей разных дисциплин. В тезисах участников анализируются аспекты цифровизации пространства детства и широкий круг проблем, изучаемых в рамках педагогики, психологии, культурологии, социолингвистики. Значение междисциплинарного обсуждения состоит в парадоксально несовпадающей оценке ряда выявленных с помощью эмпирики и научных наблюдений элементов цифрового детства: сроков его появления и становления характеристик юной личности и ее окружения — «цифровых родителей и прародителей» в информационном пространстве. Определения цифрового детства различаются: это период жизни современных детей в новых условиях освоения социальной реальности, дополненной виртуальной, или цивилизационный социокультурный феномен, или сегмент общества, включающий совокупность отдельных групп детей, освоивших цифровые практики и имеющих особую идентификацию. Представители разных наук обладают полярными мнениями относительно сужения/расширения пространства общения современного ребенка. Нет единодушия в определении всеобщности охвата цифровизацией или ее неравномерности в подгруппах детей в зависимости от доходов семей, места проживания и др. В дискуссии были фундированы некоторые перспективные темы научных изысканий в рамках мультидисциплинарных проектов: ареалы «нецифрового детства», выявление трансформаций не только в поведении и действиях детей, но и в их эстетических, нравственных, языковых ценностях, соотношении нового детства и цифрового детства, роль взрослых по передаче умений ипользования цифровой «волшебной палочки» и др. В итоге констатируется мозаичность научно-аналитической картины цифрового ребенка и цифрового детства, многовариантность векторов развития данного явления, императив «наведения мостов» между учеными, исследующими современное российское детство.

Ключевые слова: детство, цифровое детство, междисциплинарность, культурология, психология, социология детства, педагогика, социолингвистика, родители, цифровизация

Права: © В. Т. Кудрявцев,
С. Н. Майорова-Щеглова,
Т. А. Милехина, М. И. Рожков,
Т. Д. Попкова (2024).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Digital childhood: An interdisciplinary discussion

V. T. Kudryavtsev^{1,2}, S. N. Mayorova-Shcheglova^{✉3}, T. A. Milekhina⁴,
M. I. Rozhkov⁵, T. D. Popkova^{6,7}

¹Moscow City Pedagogical University, Unit 1, 4 2nd Selskokhozyaystvenny Passage, Moscow 129226, Russia

²Moscow State Psychological and Pedagogical University, 29 Sretenka Str., Moscow 127051, Russia

³Russian Society of Sociologists, Unit 5, 24/35 Krzhizhanovskogo Str., Moscow 117218, Russia

⁴Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia

⁵All-Russian Center for the Development of Artistic Creativity and Humanitarian Technologies,
16 Derbenevskaya Emb., Moscow 115114, Russia

⁶Perm State National Research University, 15 Bukireva Str., Perm 614068, Russia

Authors

Vladimir T. Kudryavtsev,

SPIN: 6113-9684,

ORCID: 0000-0002-9283-6272,

e-mail: vtkud@mail.ru

Svetlana N. Mayorova-Shcheglova,

SPIN: 8853-6817,

Scopus AuthorID: 57190566458,

ORCID: 0000-0003-4935-9148,

e-mail: shcheglova-s@yandex.ru

Tatyana A. Milekhina, SPIN:

3098-8648, ORCID: 0000-0002-5931-

9708, e-mail: tmilekhina@yandex.ru

Mikhail I. Rozhkov, SPIN: 3189-6802,

ORCID: 0000-0003-0094-3976,

e-mail: mir-46@mail.ru

Tatyana D. Popkova, SPIN: 4572-

6626, ResearcherID: M-2736-2017,

ORCID: 0000-0003-0267-217X,

e-mail: tatyana3@mail.ru

For citation: Kudryavtsev, V. T.,
Mayorova-Shcheglova, S. N.,
Milekhina, T. A., Rozhkov, M. I.,
Popkova, T. D. (2024) Digital
childhood: An interdisciplinary
discussion. *Comprehensive Child
Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 73–84.
[https://doi.org/10.33910/2687-0223-
2024-6-2-73-84](https://doi.org/10.33910/2687-0223-2024-6-2-73-84) EDN MHZAYZ

Received 8 April 2024; accepted
15 May 2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: ©

V. T. Kudryavtsev, S. N. Mayorova-
Shcheglova, T. A. Milekhina,

M. I. Rozhkov, T. D. Popkova (2024).

Published by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Abstract. The article provides an overview of the interdisciplinary discussion organized by the Childhood Sociology Research Committee of the Russian Society of Sociologists. The participants, coming from different disciplines, analyzed various aspects of childhood space digitalization and a wide range of problems studied by pedagogy, psychology, cultural studies and sociolinguistics. The participants offered surprisingly divergent assessment of a number of elements of digital childhood which had been earlier identified through empirical observations and scientific study. Specifically, the scholars expressed contrasted opinions on the time when the phenomenon of digital childhood emerged, and on the formation of the characteristics of a young person and his or her environment ('digital parents and grandparents') in the information space. The representatives of different disciplines have almost polar opinions regarding whether the communication space of a modern child is narrowing or expanding. Nor do the scholars agree on the degree of digitalization coverage or the differences in such coverage in subgroups of children with different family income, place of residence, etc. The discussion identified some promising topics of multidisciplinary research — i. e., studying the areas of 'non-digital childhood'; determining the transformations in young people's aesthetic, moral and linguistic values as well as transformations in their behavior; analyzing the relationship between the 'new childhood' and 'digital childhood'; exploring the role of adult specialists in transferring the skills of using the digital 'magic wand', etc. The discussion revealed the mosaic nature of the scientific and analytical picture of the digital child and digital childhood, the multivariate vectors of development of digital childhood in the future, and the imperative of 'building bridges' between scholars studying modern Russian childhood.

Keywords: childhood, digital childhood, interdisciplinarity, cultural studies, psychology, sociology of childhood, pedagogy, sociolinguistics, parents, digitalization

В январе–феврале 2024 г. в рамках подготовки тематического номера журнала была организована междисциплинарная дискуссия представителей различных наук о цифровом детстве. К участию в ней были приглашены ведущие ученые — представители различных наук, изучающих современное детство.

Майорова-Щеглова: Само словосочетание «цифровое детство» в российской науке появилось не так давно. По данным eLIBRARY.RU в качестве ключевых слов в научных работах «цифровое детство» начинает упоминаться лишь с 2018 г., и на настоящий момент обозначено лишь в 44 работах по всем специальностям.

Коллеги, предлагаю начать наше обсуждение с представления своих позиций относительно того, действительно ли существует «цифровое детство» как новый тип детства?

Попкова: Анализируя научные исследования в области гуманитарных наук (культурологии, психологии, педагогики, социологии детства и др.), можно с уверенностью констатировать, что «цифровое детство» как новое явление информационной эпохи существует.

XXI в. не стал исключением в эволюции жизни человечества. Он более наглядно и реалистично, чем в предыдущее столетие, демонстрирует скорость и интенсивность процессов замещения старых технологий на новые. Особое внимание обращено к детству и детям, которые как своеобразные индикаторы отражают стремительные трансформации социально-культурной сферы, результаты которых предстоит увидеть и оценить через ближайшие 20–30 лет.

«Новое детство» можно зафиксировать в ряде фактов, проявлений и трансформаций, происходящих в мире детства: расширение виртуального пространства в повседневной жизнедеятельности детей (интересы детей сосредотачиваются в компьютерной инореальности); цифровой образ жизни (использование гаджетов в качестве незаменимых помощников в различных сферах (удовлетворение бытовых потребностей, учебная деятельность, развлечения и досуг, общение, игровая деятельность, приобретение товаров и пр.)); изменение психологических границ коммуникации (создание детьми своих новых «сетевых личностей»); изменение ценностного отношения к жизни (приоритет интернет-компьютерной грамотности, жизненного прагматизма, отсутствие авторитетов/идеалов, относительная финансовая независимость), ценностного контента (дополненная реальность за счет виртуального пространства); использование более сложных инструментов коммуникации (поисковые си-

стемы Интернета, блоги, коллективные компьютерные игры, социальные сети и пр.).

С моей точки зрения, можно считать допустимой аналогию «новое детство» — «цифровое детство» для начала XXI в. Тем не менее «новым детством» можно определить и детство XX в., которое кардинально отличается от детства XIX в. Вполне закономерно, что и в последующие века будет формироваться «новое детство». «Цифровое детство» знаменует новый эволюционный сдвиг в жизни человечества, которое уже стоит не «на пороге», а на первой ступени новой цивилизации (Попкова 2023).

Рожков: Действительно, современное детство можно назвать цифровым. С самых ранних лет дети живут в реальном и виртуальном мирах одновременно, пользуются гаджетами, облегчающими общение. Еще до школы они узнают больше, чем некоторые взрослые за всю жизнь. Но часть информации в силу возраста представители этого поколения могут трактовать неверно (Байбородова, Рожков 2020).

Цифровые дети увлекающиеся, любят учиться, но только при условии, что это им интересно. Они живут в огромном потоке информации, что не позволяет им надолго удерживать внимание на одной сложной задаче. У них проблемы с концентрацией, зато они быстры, энергичны и точно знают, где найти нужные данные (Байбородова, Рожков 2020).

Милехина: К сожалению, сегодня, в 20-х гг. XXI в., можно уверенно утверждать, что цифровое детство существует. Характерная черта этого детства — личностное общение детей в реальности заменено виртуальным. «Цифровое детство» — это детство, в котором реальная действительность скучна и не интересна ребенку. «Настоящая» жизнь разворачивается на просторах Telegram, Viber, TikTok, Likee, где дети снимают видео, переписываются, общаются по видеосвязи, играют онлайн с группой друзей (как минимум четыре человека). Во время игры они разговаривают между собой, обсуждают сюжет, делятся впечатлениями.

Даже в летнее время, на даче, на пляже, дети играют в компьютерные игры. Реальность сегодня такова, что мы не можем разрешить ребенку гулять с друзьями на улице без сопровождения взрослых. Поэтому дети часто проводят свободное время дома и в телефоне. Друзья у них тоже виртуальные. Часто дети ничего не знают о своих друзьях: где они живут, где учатся, сколько им лет, как зовут их родителей. Знают только их имена. Недавно моя младшая внучка рассказывала мне о своей новой подруге и сказала, что девочка живет в другом

часовом поясе. На мой вопрос: «В каком же городе?» — она ответила, что не знает.

Кудрявцев: Для меня сомнителен этот термин — «цифровое детство». «Босоное, лапчатое, телевизионное детство»... Это не исторические типы детства, а, пусть трижды важные, социокультурные условия, в которых складывается тот или иной тип детства, печать, которой он отмечен и даже активно пользуется, но не само детство. Хайп вокруг другого — «нового», незнакомого, неизведанного — детства стал уже привычным. Очевидно, человеческое детство изменяется со временем и по-своему меняет ход истории. Мы ищем «нового ребенка» и находим, к примеру, «цифрового», подкинув гаджет в коляску. Очень часто это напоминает поиски «снежного человека» вместо попыток уточнить, углубить, расширить собственные представления об обычном, включая самое сложное — исторические трансформации. Кстати, 70 лет мы даже пытались сформировать «нового человека», но только сейчас он стал приобретать некоторые черты «снежного». Хотя стоит принести извинения йети (сасквочу, бигфуту, алмасты и др.): судя по свидетельствам «очевидцев», он весьма разумен, а в чем-то даже разумнее нас.

Майорова-Щеглова: Полагаю, что говорить о существовании цифрового детства как нового культурно-исторического типа детства неверно, а точнее преждевременно. Мы основываемся на определении детства как необходимого структурного элемента общества, имеющего особые социальные функции в процессе социального конструирования реальности. Я предлагаю называть цифровым лишь сегмент универсума детства, связанный с формированием не всеобщей, а частичной совокупности объектов, социальных практик и с особой субъектностью детей в условиях цифровизации (Майорова-Щеглова 2024).

Основным для выделения типа детства считается социальный статус ребенка, который устанавливается в результате «общественного договора» и на современном этапе этот статус установлен: все группы общества, включая детей, являются равноправными. Этот статус менялся нечасто, до настоящего времени он прошел всего 5 модификаций: от полного отказа в признании детей членами общества, затем постепенно к несвободному, зависимому состоянию члена сообщества (семьи, клана, рода). Эпоха Просвещения заявила об отложенном статусе, признав значимость юных как будущих членов общества, затем утвердился преобладающим статус воспитанников, обучающихся для полу-

чения полных прав. Кроме статуса, тип детства конструировался через дополнительные взаимообусловленные элементы: периоды внутри детства, конституирование верхних границ взрослости через инициации, стандартизации норм и ценностей взаимодействия взрослых с детьми.

Уважаемый коллега использовал метафору «телевизионного детства», а я применю сравнение с другим важным техническим изобретением человечества — автомобилем. Нам не приходит в голову доказывать, что существует «автомобильное детство», хотя доступный массовый личный транспорт серьезно изменил жизнь ребенка и семьи с ребенком: сделал их «мобильными» на далекие расстояния, увеличив возможности получения быстрого и качественного образования, медицинского ухода, развития. Этот «коннект ребенка с автомобилем» имел и обратное влияние — изменялись правила дорожного движения, появилось производство сопутствующих таким поездкам товаров, стали продаваться укачивающие люльки для младенцев, воспроизводящие автомобильный ход и пр. Однако это не изменило сути детства как социального образования, а она связана с признанием/отсутствием/ограничением социального статуса детей.

Майорова-Щеглова: Что «ваша» наука уже знает об этом детстве и чего не знает? Социологи в режиме мониторинга отслеживают новые массовые социальные практики детства, связанные с повседневностью и серьезно отличающиеся от детства прошлых поколений (Майорова-Щеглова и др. 2020). При этом определено, что пока сохраняются константы, свойственные детям: их подчиненная роль в социуме при признании их субъектности, игровая деятельность в раннем периоде, концентрация на инновациях, тяга к общению со своей возрастной группой, двигательная и творческая активность и пр. Исследования студенческой аудитории 2023 г. показали, что эта возрастная группа не идентифицирует себя как поколение, у которого было «цифровое детство» (Майорова-Щеглова 2024).

Мы, социологи, точно знаем, что в общественном мнении формируется социальный конструкт «цифровое детство», но закрепляется этот конструкт сегодня старшими возрастными группами, причем взрослыми в названии закладывается разная коннотация. Для детей их детство обычное.

Рожков: Педагогика знает, что современные дети готовы к диалогу, но не к нравоучениям. Они ждут, что их будут слушать и слышать

и не будут диктовать. Они предпочитают живому общению виртуальное. У детей очень много общего с их молодыми родителями, зачастую у них схожие предпочтения. Они вместе играют в онлайн-игры, создают блоги. Молодые родители не боятся уступить детям в тех вопросах, где они менее компетентны. Важное место в мире подростков занимает репутация. Если какой-то важный для них человек соврал или был не до конца открытым, они это почувствуют и не скоро простят эту ошибку. Авторитет старших для этого поколения базируется только на интересе к ним, к их мастерству в виртуальной сфере. Это как бы уравнивает детей и взрослых, а значит, последние больше не доминируют. Исследования подтверждают, что именно совместные семейные привычки потребления контента становятся важной чертой современного воспитания (Байбородова, Рожков 2020).

Попкова: Культурология пытается выделить круг понятий, которые входят в семантическое поле «цифровые абorigены»:

- цифровая культура детства как особая среда, область культуры, которая оказывает формирующее влияние на детей (Мешкова 2020, 196–206), сюда же можно отнести отдельным направлением цифровую культуру в сфере образования;
- «культурное пространство детства» — среда информационно-знакового пространства, которая одновременно соединяет и разделяет, структурирует и упорядочивает (Быстрова 2013); Вишен Лакьяни определяет культурное пространство как «мир относительной истины» (Лакьяни 2017, 13), в котором для ребенка переплетаются различные модели реальности;
- «спальная культура» — одна из разновидностей детской и подростковой субкультур, досуговые практики, которые осваивают современные дети, не выходя из своей детской комнаты (Mesch 2009. 53–54);
- детское творчество в цифровой среде — ситуации, когда юный пользователь создает уникальный, полезный, в той или иной степени организованный контент с целью получения финансового вознаграждения, стремления к известности или самовыражению (Мешкова 2020);
- «токсичное детство» — когда взрослые констатируют, что жизнь детей проходит в компьютерных играх, без проявления интереса к общественной жизни, при отсутствии согласованности между цифро-

вой реальностью и социальными институтами (Green, Hannon 2007);

- усиление значимости китча в жизни детей — это явление приводит к умиротворенности сознания индивида, настроенного на комфортное восприятие культуры, прививает чувство красоты (красивости), делает разнообразным досуг (Поляков 2011).

Милехина: Лингвисты представляют словарь цифрового ребенка, но преимущественно в аспекте преобладающих в его составе лексических единиц: заимствованной, жаргонной лексики (Милехина, Байкулова 2023). Требуется серьезное изучение внутреннего, ментального устройства такого словаря. Необходимо понять, какую картину мира формирует детское цифровое пространство, какие нравственные, этические и эстетические приоритеты оно навязывает молодому поколению. К сожалению, даже поверхностные наблюдения приводят к неутешительным выводам. Игровые сюжеты провоцируют агрессию, изобилуют мистикой, мрачной фантастикой, inferнальными сущностями, апологетикой зла. Социальные сети переполнены разрушительной для детской психики информацией.

Попкова: Так же, как и коллега, не могу не отметить тотальную деформацию в овладении детьми устной и письменной речью: изменение речевого поведения (сокращение речевого запаса слов, насыщение речи символами-знаками, имеющими дополнительный смысл: реклама, маркетинг, логотипы, эмблемы, пиктограммы, символы на устройствах и кнопках компьютера, телефона) преобразование содержательности речевых смыслов (вариативность семантики некоторых понятий); фрагментарное восприятие и воспроизведение больших текстов и сюжетов; легкость усвоения мультимедийного текста в отличие от печатного; небрежное отношение к датам, именам собственным, фамилиям и инициалам известных личностей; затруднение или нарушение осознания линейного времени (хронологии событий в истории) и т. д.

Кудрявцев: Психология, за редкими исключениями, не подозревает, что никакого «цифрового детства» не существует. И мало посвящает себя исследованию жизни в «смешанной реальности», переходам детей и подростков из реального в виртуальное. «Цифра» сделала возможной эти переходы, но она же и способствует их размыванию — не сама по себе, а по причине неразвитой субъектности и у детей, и у взрослых. На нее переделегируются субъектные функции — взрослыми прежде всего, которые верят, что

можно общаться с нейросетями, ждать, что твой естественный интеллект поработит искусственный, хотя это ожидание исходит уже от поработанного, самопоработанного очень старыми шаблонами интеллекта.

К счастью, детям чужды эти тревоги. Смешанную реальность они застают естественно, как мы когда-то заставляли электричество, газ, потом телевизор. Хотя если вдуматься, электрификация и газификация — это радикально иной образ жизни, не с технической, а прежде всего с социально-антропологической точки зрения. Но «культурный шок» уже прошел.

Попкова: Согласно с тезисом о неравномерности цифровизации в различных демографических группах, это объективный факт. Неравномерность обуславливают географическое расположение населенных пунктов (природные и климатические условия проживания — север, юг, запад, восток), формат места проживания (мегаполис, город, деревня — поэтому традиционно говорят о центре и окраинах), экономический уровень развития региона, области, края (финансовая и материальная обеспеченность населения); общий культурный уровень населения; национальные традиции, табу и др. (Лебедева 2021).

Пожалуй, дворовая жизнь детских сообществ, которые сохранились, меньше всего изменилась: подвижные игры обходятся без участия гаджетов. Относительно свободной от цифрового вмешательства можно считать бытовую и трудовую деятельность детей (домашние дела, помощь на земельных участках, ремонт и уход за техникой), а также общественно-полезную деятельность (в частности, волонтерство).

«Нецифрового детства» с каждым годом становится меньше, так как сама институциональная среда неизменно вовлекает детей в свое пространство, формируя и организуя иной образ жизни, чем у предыдущих поколений: оплата безналичным способом покупок и проезда, электронный документооборот и т. д.

Милехина: Солидаризируюсь с мнением о неравномерности распространения цифровизации в разных группах детей. Такая специфика обусловлена многими факторами: уровнем материального достатка в семье (нет возможности купить дорогой гаджет или загрузить новейший вариант игры), особенностями семейных отношений (родители много работают, им некогда или не интересно заниматься детьми, или, наоборот, постоянно и включенно контролируют увлечение ребенка гаджетом). Определенный оптимизм внушает тот факт, что еще существуют зоны «нецифрового

детства»: занятия музыкой, спортом, рисованием; туристические семейные поездки; походы и шашлыки на природе; дачные друзья; пляжный волейбол на берегу Волги. А самое главное — занятия в школе, которая в идеале должна стать реальным центром притяжения детей.

Майорова-Щеглова: Можно ли обозначить какие-то временные границы возникновения «цифрового детства», когда оно появилось в России?

В социологии принято связывать доказательство «цифрового детства» с фиксацией особых массовых социальных практик использования детьми информационного-коммуникационных технологий. Впервые это было зафиксировано при проведении двух замеров информационного пространства России в 1996 и 2006 гг.; приблизительный перелом — это 2004 г. (Майорова-Щеглова 2010; Цымбаленко, Щеглова 1996).

Попкова: Условно появление «цифрового детства» можно связать с началом активного вхождения в повседневную жизнь детей информационных технологий в России в 90-е г. XX в. Пейджеры, сотовые телефоны, персональные компьютеры стали повсеместно приобретаться жителями мегаполисов, чей образ жизни был наиболее насыщенным и стремительным. Дети в таких семьях органично приобщались к новым технологиям и способам коммуникации. С начала 2000-х гг. стремительно возросло число пользователей Интернет-сетей и гаджетов. Исследователи (Солдатова, Рассказова 2023) отмечают, что активизировалась возрастная категория детей дошкольного возраста, начиная уже с 3 лет.

Милехина: Временные границы очень отчетливые. У меня две внучки. Старшая родилась в 2008 г. и я хорошо помню, что она выросла на детских мультфильмах, которые мы покупали на DVD в 2009–2010 гг. Помню, самым любимым был сериал «Клуб Винкс» (Winx) — 104 серии, 4 сезона — «Опасная прогулка», «Пробуждение дракона», «Путешествие в страну фей» и т. д. В то же время старшая смотрела много советских и русских мультфильмов.

Совсем иная ситуация с младшей внучкой. Она родилась в 2014 г., и ее уже можно, на мой взгляд, назвать «цифровым ребенком». Сначала родители купили планшет в полтора года, затем, когда она подросла, — телефон, и больше она с ними не расставалась. В трехлетнем возрасте в ее речи активно использовалась лексическая группа «гаджеты»: *телефон, планшет, интернет, вай-фай, сайт «Мегаго»* (Милехина 2017). Сейчас ей 9 лет, и она слушает мобильную

колонку «Алису» — рисует, делает уроки и засыпает под «Алисины» сказки.

Рожков: Временные границы размыты, это связано прежде всего с развитием доступа детей к компьютерам и сети Интернет. Персональные компьютеры проникли в семью в начале 90-х гг. С этого момента и стали у детей формироваться черты «цифрового ребенка».

Кудрявцев: Если мы говорим о времени жизни человека и этого поколения, то тут интереснее особенности применения цифровых инструментов на разных этапах развития. Гаджет, который родители подбросили в коляску, чтобы не отвлекаться от своего занятия, — это одно дело. Да, есть польза: у ребенка с младенчества в руках модуль среды. Медиатворчество, когда подростки, лично не знакомые друг с другом, поскольку живут в Москве и Южно-Сахалинске (реальный кейс), вместе через сеть создают фильм о чем-нибудь сокровенном, даже исповедальном, вроде, любви — это другое.

Сегодня многие просто не замечают «исторических переходов», потому что они на сверхскоростях XXI в. совершаются в каждом доме. Антропологические свидетельства «дигитального» прогресса — не в совершенствующейся чуть ли не ежедневно «цифре», а в пустых лавочках у подъездов, которые не так уж давно были заполнены бабушками. Сейчас бабушки просто звонят подругам из соседнего подъезда или внукам из другого города по мобильнику. Бабушки открывают свои группы в мессенджерах. Лавочка у подъезда стала виртуальной и «выросла»: при необходимости ею можно опоясать планету. Поначалу это казалось диковинным, но вскоре чувство новизны дигитального блага прошло и, скорее, даже бабушку смутит его отсутствие. У нас выросло новое поколение бабушек! Они уже не испытывают «культурного шока» от того, что живут в другом мире, принимают его вместе с внуками и внучками как должное.

Попкова: За последние три года заметно расширилась область использования интернет-технологий в различных областях жизни (прежде всего городских жителей), что повлекло за собой и необходимость взрослых обучаться работе с различными гаджетами и интернет-программами. Определение места «цифровых детей» в ряду других демографических групп также, на мой взгляд, требует специального исследования. Дети XXI в. вовлекают старшее поколение в цифровое пространство, поэтому можно полагать, что среди мам и пап, а также бабушек и дедушек есть таковые. Важно не смешивать это

понятие — «цифровые бабушки или дедушки» с их зависимостью от телефонов и интернет-игр.

Майорова-Щеглова: И все-таки кто кого вовлекает: дети — родителей или наоборот?

Попкова: Родители — поколение, уже освоившее цифровое пространство, поэтому они организуют и насыщают свой быт различными цифровыми устройствами, совершенствуя атмосферу «умного дома», «умного обучения» и т. п. Исходя из этого, вполне очевидно, что «цифровое родительство» также расширяет свое предназначение в плане передачи опыта своим детям. Мы можем встретиться с отдельными детьми, безусловно владеющими новейшими информационными технологиями, а в целом определить соотношение: кто больше — дети или родители увлечены цифровой сферой — затруднительно, так как это зависит от многих факторов, о которых мы говорили выше (финансовой возможности семьи, месте жительства и др.).

Милехина: Я соглашусь, что возникло и «цифровое родительство». Родители — каждый в своем телефоне: отец читает политические и финансовые новости, мама просматривает моду и косметику, ребенок увлечен новой игрой. Каждый в своем информационном пузыре. «Цифровые родители» — родители, которые не хотят брать на себя ответственность и заниматься воспитанием своего ребенка.

Майорова-Щеглова: Каковы главные характеристики «цифрового ребенка» в «вашей» науке?

Рожков: Главные характеристики «цифрового ребенка» в педагогической науке:

- включенность в деятельность, связанную с актуальными интересами;
- отношение к старшим через ориентацию на оценку мастерства детей и насколько успехи детей в виртуальном пространстве интересны взрослым;
- стремление избегать трудностей;
- другой характер межличностных отношений в среде ровесников, во многом ориентированных на использование социальных сетей.

Дети более уравновешены и менее агрессивны, чем их предшественники. Они чужды проявлению любого рода формальностей. Замечена тенденция, что каждое новое поколение более свободно от всяких условностей, чем предыдущее. Люди этого поколения будут крайне эрудированными, так как их образование будет начинаться чуть ли не с пеленок и продолжится всю жизнь (Байбородова, Рожков 2020).

Коллеги высказывали мнение об ограничении общения современных детей. Наши исследования

опровергают эти тезисы. Результаты проведенного нами опроса выявили круг близких друзей современных детей, в который наряду с родителями и одноклассниками входят друзья из виртуальной реальности: от 7,7 % до 24,6 % в разных группах респондентов выбрали «друг из социальных сетей» (Рожков, Файтельсон 2017). Это, кстати, предопределяет необходимость нового отношения к традиционному представлению о влиянии коллектива и воспитательно-го пространства на формирование личности школьника (Рожков, Иванова 2022).

Кудрявцев: Падение сензитивности к удивлению. Чем удивить ребенка XXI века? Одна маленькая девочка в аэропорту пыталась рукой «перелистывать» электронное табло, как «листают» экраны гаджетов. И была искренне недовольна, почему «страничка не переворачивается». Это удивление современного ребенка. Но не «цифра» виновата! Насколько сложно сегодня педагогам да и вообще взрослым. Скажем, STEAM-технологиями, по крайней мере, там, где их применение стало привычным, если не сказать массовым, детей удивить непросто. Что первично: волшебник или волшебная палочка (цифровая)? Мой ответ в пользу волшебника. Почему в иных руках она утрачивает свои чудесные свойства, а в других усиливает? Если взрослые не удивительны друг для друга, если взаимно «приелись», то и от сверхчудесных (по их меркам) технологий ждать нечего. Волшебники-взрослые есть, посоветую обратиться, например, к их опыту (Кудрявцев, Игнатович 2022).

Попкова: Согласно с коллегой, «цифровые дети» — активные участники, создатели и творцы контента в сетевой среде (содержание которого включает фотографии, сообщение в чатах и форумах, видеоролики, посты, флэшмоб и др.), т. е. Интернет стал для детей дополнительной средой творчества.

Для них важен эмоциональный комфорт в интернет-среде. Неотъемлемой частью детей стала сетевая идентичность (компенсаторная, экспериментальная «гибридная идентичность» (Южанинова 2013) — когда ребенок строит свою культурную идентичность, усваивая культурные коды не только своей родной культуры — «диффузия ценностей», «имплозия смыслов» по Ж. Бодрийару — по причине глобализации интернет-пространства.

Для «цифрового ребенка» вхождение в пространство культуры происходит посредством коммуникативных стратегий, ориентированных исключительно на фиксацию фрагментов поверхности без воспроизведения смыслового

ядра (а это происходит повсеместно и целенаправленно), то, по сути дела, неминуемо наступает срыв, прерывание, отлучение и от истории, и от традиции, и от культурного кода» (Мешкова 2020; Прокудин, Соколов 2013, 87–88).

Майорова-Щеглова: Помимо уже названных коллегами особенностей отмечу, что ребенка в цифровой среде характеризуют раннее (согласно новым исследованиям с дошкольного детства) использование и, что важно, обладание личными гаджетами (один из первых видов личной собственности) и владение виртуальным пространством (аккаунтом, блогот, личным кабинетом в интернет-банке). У этого ребенка происходит постепенная трансформация форм инициации взросления (они могут происходить через виртуальные ритуалы освоения чего-то), потребительских, экономических практик и традиций дарения (Майорова-Щеглова и др. 2020). Мы наблюдаем виртуализацию межпоколенных отношений, особенно с прауродителями, через сервисы. Эти «цифровые дети» кроме традиционного позиционирования себя в подростковом возрасте в семейном, школьном, когортном окружении осваивают новые роли в виртуальных сообществах.

Милехина: Но теряется живое общение. В связи с этим усложняются процессы социализации, навыки которой не вырабатываются. Ребенку не интересен человек офлайн, не интересно общение с другим человеком, не интересно взаимодействие с себе подобным, потому что это трудно. Гораздо легче, безопаснее и проще развлекаться, получать эмоции в квазиобщении с механическим гаджетом. Ребенку не интересен процесс обучения, открытие новых знаний, чтение серьезной литературы. Проникновение в мир научных исследований теряет смысл, обесценивается, потому что информация на любую тему в открытом доступе, и ее извлечение не требует усилий. Для современных детей форма важнее содержания, материальное значительнее духовного. Важно быть в тренде, соответствовать брендам, «прокачать, задонатить персонажа своей игры», получить в свое распоряжение игровую валюту «роблекс». Описание характеристик цифрового ребенка в лингвистике — задача насущных будущих исследований.

Майорова-Щеглова: Наше обсуждение попробуем завершить предположениями о том, что будет дальше, за нашим общим научным горизонтом, что придет на смену цифровому детству, или оно с нами навсегда? С одной стороны, общая растерянность, рассогласованность восприятия и действий социума меняется

на целенаправленные технологии управления процессами цифровой социализации (Иванов 2023). Ученые констатируют тенденции нового явления глокализации детства — противостояние влиянию бесконтрольного глобального информационного пространства, сдерживание раннего взросления этого поколения, дополнительные меры по созданию позитивного детского ареала в цифре (Митрофанова 2020). С другой стороны, как только цифровая реальность перейдет из разряда новшеств в рутину, в «обычное», такое детство уже будет восприниматься общественным мнением как нормативное. Первоначально появление таких групп детей настораживало и вызывало восторг одновременно. По мере социального конструирования жизни старших групп в новой реальности эта ситуация меняется, как мы видим и сегодня в нашей дискуссии.

Кудрявцев: Не знаящая устали в своем росте и распространении новизна затрудняет рефлексию изменений, культурно-исторических трансформаций разного типа. А главное — того, что эти трансформации проходят через нас. У нас нет времени для длительных и многоэтапных процессов инициации. Сложно, но необходимо расслышать «голоса разума» немногочисленных детских психологов. Один из них принадлежит Людмиле Филипповне Обуховой, классике нашей детской психологии, которая мыслила очень исторично и изучала со своей научной школой именно современный тип детства (Обухова, Котляр 2010). Вот почти дословно: то, что сегодня ребенок не таскает ведер с водой, не рубит дров и не варит каши, а нажимает на кнопки, еще не освобождает его ни от прохождения стадий «психосексуального» развития по Фрейд, ни от «феноменов Пиаже». Другой вопрос, как трактовать эти «стадии» и «феномены»? Вопрос, который всегда требует историчного ответа, включения культурно-исторической психологии.

Рожков: «Цифровое детство» с нами надолго. Но прогресс не стоит на месте. Возможно возникновение новых тенденций в развитии детей.

Милехина: К глубокому сожалению, цифровое пространство детства в настоящее время направлено преимущественно на формирование недружественного нашей цивилизации культурного кода. Допускаю, что изучение цифрового детства и цифрового пространства детства — это две разные задачи. Абсолютно уверена, что необходимо не только срочно изучать и то, и другое, но и реформировать в соответствии с гуманистическими воспитательными задачами. Наивно думать, что можно остановить развитие

науки. Можно и должно сделать так, чтобы «цифровое детство» наших детей было благополучным и счастливым.

Попкова: Трудно предугадать, что ждет нашу цивилизацию в будущем — это право остается за футуристами. Понятие «время» лишь отражает единицу измерения, а его течение не прекращается. Так же следует учесть, что нанотехнологии активно внедряются в нашу действительность, поэтому следует ожидать в ближайшем будущем и «нанодетства».

Попадет ли человечество на новый виток прогресса и улучшит свои возможности или будет усиливаться регрессия природных качеств и способностей индивида — это дискуссионный вопрос, для обсуждения которого необходимо участие исследователей из естественно-научных областей знания.

Майорова-Щеглова: Мы можем констатировать, что проблемы цифровизации детства волнуют представителей многих наук. Организуя эту дискуссию, мы замахнулись на междисциплинарность культурологии, лингвистики/филологии, педагогики, психологии, социологии, и убеждаемся, что она вполне возможна при едином объекте исследования — детстве. Сходны мы в общем интересе к данной проблематике, а также в совмещении объективистского взгляда ученого (апелляции к данным эмпирических исследований, авторитетам, историческим аналогиям и др.) и субъективных, практических, острых зарисовок реальной жизни. Однако даже в нашем небольшом коллективе нет единодушия: мнения относительно существования цифрового детства строго полярные, разнятся оценки виртуального общения детей, последствий цифровизации для образования и жизни, сроков возникновения данного явления и др. Это доказывает, что пока кристаллизация не произошла, торопиться с утверждением становления цифрового детства не стоит. Конечно, такая мозаичность позиций разных наук об одном и том же явлении, вероятно в определенной степени, дезинформирует специалистов-практиков, родителей, представителей власти, принимающих решения о поддержке детства. В свое время И. С. Кон выдвинул идею об интегрирующей роли социологии в конгломерации наук о детстве, но мы должны честно признаться, что дети и их социальные проблемы в современном социологическом научном дискурсе остаются на периферии (Филипова, Хуснутдинова 2022). Именно поэтому важно «наводить мосты» между дисциплинами в нашем общем стремлении познать современное детство и сделать жизнь наших детей спокойной и счастливой.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку рукописи статьи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article.

Литература

- Байбородова, Л. В., Рожков, М. И. (2020) *Ценностно-смысловые основы воспитательной деятельности: учебник для студентов бакалавриата направлений «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование»*. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, 367 с.
- Быстрова, А. Н. (2013) Проблема границ в культуре. *Омский научный вестник*, № 2 (116), с. 253–257.
- Иванов, Д. В. (2023) Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 26, № 3, с. 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1>
- Кудрявцев, В. Т., Игнатович, А. В. (2022) Педагогически организованные коммуникации детей дошкольного возраста и взрослых как фактор развития творческого воображения. *Педагогика: история, перспективы*, т. 5, № 5, с. 14–26.
- Лакьяни, В. (2017) *Код экстраординарности. 10 нестандартных способов добиться впечатляющих успехов*. М.: Эксмо, 320 с.
- Лебедева, Е. В. (2021) Детство в цифровом городе: на границе между рисками и возможностями. *Комплексные исследования детства*, т. 3, № 4, с. 280–289. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-4-280-289>
- Майорова-Щеглова, С. Н. (2010) Молодое поколение и новые средства массовой коммуникации: мифы и реальность. *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*, № 3 (46), с. 224–231.
- Майорова-Щеглова, С. Н. (2024) Социологическое определение «цифрового детства». В кн.: В. А. Мансуров (ред.). *Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: сборник конференции*. М.: ФНИСЦ РАН; РОС, с. 269–273.
- Майорова-Щеглова, С. Н., Колосова, Е. А., Губанова, А. Ю. (2020) Маршруты офлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 3, с. 21–34, <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34>
- Мешкова, Л. Н. (2020) Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, т. 9, № 3А, с. 196–206.
- Милехина, Т. А. (2017) Речевой портрет девочки в возрасте двух лет и восьми месяцев. В кн.: М. А. Кормилицина, О. Б. Сиротинина (ред.). *Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, с. 171–180.
- Милехина, Т. А., Байкулова, А. Н. (2023) Речевые предпочтения современных детей: влияние Интернета, чужих языков и культур. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, т. 23, № 1, с. 29–35. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-29-35>
- Митрофанова, С. Ю. (2020) Тенденция глокализации детства. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, т. 12, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK121.pdf> (дата обращения 20.03.2024).
- Обухова, Л. Ф., Котляр, И. А. (2010) Современный ребенок: шаги к пониманию. *Психологическая наука и образование*, т. 15, № 2, с. 5–19..
- Палфри, Д., Гассер, У. (2011) *Дети цифровой эры*. М.: Эксмо, 368 с.
- Поляков, А. Ф. (2011) Трансформация китча во времени и пространстве *Вестник Бурятского государственного университета*, № 6, с. 230–237.
- Попкова, Т. Д. (2023) *Универсум мира детства*. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 292 с.
- Прокудин, Д. Е., Соколов, Е. (2013) «Цифровая культура» vs «Аналоговая культура». *Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия, конфликтология, культурология и религиоведение*, № 4, с. 83–91.
- Рожков, М. И., Иванова, И. В. (2022) Коллектив и межличностные отношения современных детей. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, т. 28, № 2, с. 5–11.
- Рожков, М. И., Файтельсон, В. А. (2017) Формирование готовности к жизни в условиях сетевого общества как компонент социализации ребенка. *Ярославский педагогический вестник*, № 1, с. 47–51.

- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2023) Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, т. 14, № 3, с. 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>
- Филипова, А. Г., Хуснутдинова, М. Р. (2022) А где же ребенок? *Комплексные исследования детства*, т. 4, № 3, с. 203–209. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-203-209>
- Цымбаленко, С. Б., Щеглова, С. Н. (1996) Какие они, подростки девяностых? *Воспитание школьников*, № 1, с. 2–7.
- Южанинова, Е. Р. (2013) Интернет как новое пространство самореализации молодежи. *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 7 (156), с. 82–89.
- Green, H., Hannon, C. (2007) *Their Space. Education for digital generation*. London: Demos Publ., 80 p.
- Mesch, G. S. (2009) The Internet and youth culture. *The Hedgehog Review*, vol. 11, no. 1, pp. 50–60.

References

- Bajborodova, L. V., Rozhkov, M. I. (2020) *Tsennostno-smyslovye osnovy vospitatel'noj deyatel'nosti: uchebnik dlya studentov bakalavriata napravlenij "Pedagogicheskoe obrazovanie" i "Psikhologo-pedagogicheskoe obrazovanie" [Value-semantic foundations of educational activity: A textbook for undergraduate students specializing in "Pedagogical education" and "Psychological-pedagogical education"]*. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Publ., 367 p. (In Russian)
- Bystrova, A. N. (2013) Problema granits v kul'ture [Boundaries problem in the culture]. *Omskij nauchnyj vestnik — Omsk Scientific Bulletin*, no. 2 (116), pp. 253–257. (In Russian)
- Filipova, A. G., Khusnutdinova, M. R. (2022) A gde zhe rebenok? [And where is the child?]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 4, no. 3, pp. 203–209. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-3-203-209> (In Russian)
- Green, H., Hannon, C. (2007) *Their Space. Education for digital generation*. London: Demos Publ., 80 p. (In English)
- Ivanov, D. V. (2023) Kriticheskaya teoriya tsifrovizatsii: gospodstvo algoritmicheskoy ratsional'nosti i bunt autentichnosti [Critical theory of digitalization: Algorithmic rationality domination and authenticity revolt]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii — The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 26, no. 3, pp. 7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1> (In Russian)
- Kudryavtsev, V. T., Ignatovich, A. V. (2022) Pedagogicheski organizovannye kommunikatsii detej doshkol'nogo vozrasta i vzroslykh kak faktor razvitiya tvorcheskogo vooobrazheniya [Pedagogically organized communications of preschool children and adults as a factor of the development of creative imagination]. *Pedagogika: istoriya, perspektivy — Pedagogy: History, prospects*, vol. 5, no. 5, pp. 14–26. (In Russian)
- Lakhiani, V. (2017) *Kod ekstraordinarnosti. 10 nestandartnykh sposobov dobit'sya vpechatlyayushchikh uspekhov [The code of the extraordinary mind: 10 unconventional laws to redefine your life and succeed on your own terms]*. Moscow: Eksmo Publ., 320 p. (In Russian)
- Lebedeva, E. V. (2021) Detstvo v tsifrovom gorode: na granitse mezhdru riskami i vozmozhnostyami [Childhood in a digital city: Between risks and opportunities]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 280–289. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-4-280-289> (In Russian)
- Mayorova-Shcheglova, S. N. (2010) Molodoe pokolenie i novye sredstva massovoy kommunikatsii: mify i real'nost' [The younger generation and new media: Myths and reality]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie" — RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, no. 3 (46), pp. 224–231. (In Russian)
- Mayorova-Shcheglova, S. N. (2024) Sotsiologicheskoe opredelenie "tsifrovogo detstva" [Sociological definition of "digital childhood"]. In: V. A. Mansurov (ed.). *Tsifrovoe obshchestvo: sotsiologicheskoe izmerenie nastoyashchego i budushchego: sbornik materialov konferentsii [Digital society: Sociological dimension of the present and future: Collection of conference materials]*. Moscow: FCTAS RAS Publ.; ROS Publ., pp. 269–273. (In Russian)
- Mayorova-Shcheglova, S. N., Kolosova, E. A., Gubanova, A. Yu. (2020) Marshruty offlajn i onlajn-zhizni detstva: sobytijnyj analiz [Routes of offline and online life of childhood: Event analysis]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya — Ojkumena. Regional Researchers*, no. 3, pp. 21–34. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34> (In Russian)
- Mesch, G. S. (2009) The Internet and youth culture. *The Hedgehog Review*, vol. 11, no. 1, pp. 50–60. (In English)
- Meshkova, L. N. (2020) Tsifrovaya kul'tura i tsifrovoe pokolenie: osnovnye napravleniya vzaimodejstviya [Digital culture and digital generation: Main directions of interaction]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke — Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, vol. 9, no. 3A, pp. 196–206. (In Russian)
- Milekhina, T. A. (2017) Rechevoj portret devochki v vozraste dvukh let i vos'mi mesyatsev [Speech portrait of a girl aged two years and eight months]. In: M. A. Kormilitsyna, O. B. Sirotinina (eds.). *Problemy rechevoj kommunikatsii: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 17 [Problems of speech communication: interuniversity collection of scientific papers. Iss. 17]*. Saratov: Saratov University Publ., pp. 171–180. (In Russian)
- Milekhina, T. A., Bajkulova, A. N. (2023) Rechevye predpochteniya sovremennykh detej: vliyanie Interneta, chuzhikh yazykov i kul'tur [Speech preferences of modern children: The influence of the Internet, foreign languages and

- cultures]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika — Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 23, no. 1, pp. 29–35. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-29-35> (In Russian)
- Mitrofanova, S. Yu. (2020) Tendentsiya globalizatsii detstva [The trend of childhood globalization]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya — World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 12, no. 1. [Online]. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK121.pdf> (accessed 20.03.2024). (In Russian)
- Obukhova, L. F., Kotlyar, I. A. (2010) Sovremennyy rebenok: shagi k ponimaniyu [Modern child: On the way to understanding]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 15, no. 2, pp. 5–19. (In Russian)
- Palfrey, J., Gasser, U. (2011) *Deti tsifrovoy ery [Born digital: How children grow up in a digital age]*. Moscow: Eksmo Publ., 368 p. (In Russian)
- Polyakov, A. F. (2011) Transformatsiya kitcha vo vremeni i prostranstve [Transformation of kitsch in time and space]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — The Buryat State University Bulletin*, no. 6, pp. 230–237. (In Russian)
- Popkova, T. D. (2023) *Universum mira detstva [Universe of the world of childhood]*. Perm: Perm State University Publ., 292 p. (In Russian)
- Prokudin, D. E., Sokolov, E. (2013) “Tsifrovaya kul'tura” vs “Analogovaya kul'tura” [“Digital Culture” vs. “Analog Culture”]. *Vestnik SPbGU. Seriya 17. Filosofiya, konfliktologiya, kul'turologiya i religiovedenie — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, no. 4, pp. 83–91. (In Russian)
- Rozhkov, M. I., Fajtel'son, V. A. (2017) Formirovanie gotovnosti k zhizni v usloviyakh setevogo obshchestva kak komponent sotsializatsii rebenka [Formation of readiness for life in the network society as a component of the child's socialization]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik — Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 1, pp. 47–51. (In Russian)
- Rozhkov, M. I., Ivanova, I. V. (2022) Kollektiv i mezhlchnostnye otnosheniya sovremennykh detej [Collective and interpersonal relations of modern children]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika — Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 28, no. 2, pp. 5–11. (In Russian)
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. (2023) Tsifrovaya sotsializatsiya rossijskikh podrostkov: skvoz' prizmu sravneniya s podrostkami 18 evropejskikh stran [Digital socialization of Russian adolescents: Through the prism of comparison with adolescents in 18 European countries]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 14, no. 3, pp. 11–30. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302> (In Russian)
- Tsymbalenko, S. B., Shcheglova, S. N. (1996) Kakie oni, podrostki devyanostykh? [What are they like, teenagers of the nineties?]. *Vospitanie shkol'nikov*, no. 1, pp. 2–7. (In Russian)
- Yuzhaninova, E. R. (2013) Internet kak novoe prostranstvo samorealizatsii molodezhi [Internet: A new space of self-realization]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta — Vestnik of the Orenburg state university*, no. 7 (156), pp. 82–89. (In Russian)